

НОВЫЕ РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

M. ICHISAR. Les archives cappadociennes du marchand Imdilum. Recherche sur les grandes civilisations № 3. Études Assyriologiques. Éditions A. D. P. F. — Paris, 1981, 456 p.

В рецензируемой книге собраны документы о деятельности крупного ассирийского купца Имдилума, происходящие из города Каниша на территории древней Каппадокии в Малой Азии. Эти тексты датируются староассирийским временем (точнее, XX—XIX вв. до н. э.) и были обнаружены на Кюль-тепе, недалеко от современного турецкого города Кайсери.

Основную часть книги (с. 54—420) занимают тексты архива Имдилума и документы других архивов, в которых последний упомянут. Эти документы были давно опубликованы ассириологами в клинописной автографии и в рецензируемой работе даны

в транслитерации и переводе, сгруппированные по различным формулярам. Среди текстов — деловые документы, судебные протоколы, переписка Имдилума и т. д. К книге приложен указатель собственных имен, имеющий большое значение для просопографии староассирийского времени. Несомненно, этот удобный сборник документов, рассеянных в многочисленных изданиях, в значительной мере облегчит в дальнейшем изучение ассирийских текстов из Каппадокии и сделает их доступными также для широкого круга историков, занимающихся древними обществами. На наш взгляд, именно в этом заключается ценность рецензируемой работы.

В двух вступительных главах (с. 5—53) рассмотрены родственные связи между членами семьи Имдилума и его деловые отношения с другими ассирийскими купцами. Отца Имдилума звали Шу-Лабан, но в каппадокийских текстах его имя упоминается лишь в качестве патронимикона. По мнению автора книги, некоторые тексты дают основание полагать, что Шу-Лабан также был купцом в Каппадокии и позднее, передав дела своему сыну Имдилуму, вернулся в Ассирию. Далее из текстов выясняется, что у Имдилума было четыре брата, два сына и дочь.

Как предполагает автор, ассирийские купцы, возвращаясь к себе на родину, увозили с собой все важные документы, и поэтому архив Имдилума в Канише в основном состоит из копий и документов, которые не имели для него существенного значения. Но такое мнение представляется нам спорным. Ассирийские купцы жили в Канише по меньшей мере в течение нескольких поколений. Некоторые из них, конечно, могли на склоне лет возвращаться к себе на родину, забрав с собою все важные документы. Однако дети Имдилума, во всяком случае, оставались в Канише и для продолжения своей профессиональной деятельности нуждались в архиве своего отца, и поэтому вряд ли собранные в рецензируемом труде документы являются копиями, а не оригиналами.

Относительно характера канишской торговой организации ассирологи высказывали различные мнения. М. Ишизар следует наиболее распространенному предположению, что эта организация была ашшурской торговой колонией. Он полагает, что главная контора торговой организации находилась в столице Ассирии Ашшуре и объединяла кредиторов, которые руководили коммерческими операциями непосредственно, а также через своих агентов на местах, специализировавшихся на торговле теми или иными предметами. Ашшур снабжал свои колонии товарами, и канишская контора координировала торговые операции в Малой Азии. Такие купцы, как Имдилум, хотя и подчинялись ашшурским торговцам, тем не менее одновременно занимались и своими собственными делами, стремясь к личному обогащению. При этом Имдилум, как и другие ассирийские купцы в Малой Азии, действовал главным образом, с помощью своих младших родственников, единолично решая все важные дела.

Однако автору следовало бы отметить и существование других мнений. В частности, Н. Б. Янковской было высказано и обосновано предположение, что в отношении внутренней структуры Каниш представлял автономную самоуправляющуюся организацию во главе с народным собранием, являвшимся высшим судебным органом. Этнический состав лиц, входивших в органы местного самоуправления Каниша, был смешанным, и часть населения города вовсе не была ассирийского происхождения. В состав должностных лиц выбирались выходцы как из исконного местного населения, так и пришлого ассирийского. Торговля в значительной мере велась в кредит, благодаря чему центральная контора в Канише смогла установить контроль над торговым оборотом на территории части Сирии, Малой Азии и Северной Месопотамии. Другими словами, канишская организация была международным торговым объединением¹. Однако в настоящее время еще трудно с полной уверенностью судить о характере канишской организации. Достаточно сказать, что еще предстоит опубликовать и затем исследовать около 15 000 документов из Каниша.

* * *

¹ Янковская Н. Б. Клинописные тексты из Кюль-тепе в собраниях СССР. М., 1968, с. 14 слл.

За последние десятилетия археология накопила обширный материал о древних храмах западных семитов. Рецензируемая книга посвящена храмам, раскопанным на территории Палестины. Ввиду скудости источников в большинстве случаев пока совершенно невозможно определить, каким этническим группировкам принадлежали эти культовые места.

Сначала автор анализирует данные о домах обитателей древней Палестины. Уже в раннеолитический период появляются дома квадратной формы; жилые здания халколита представляют собой обширные комнаты площадью 15×15 м; жилища раннебронзового века имеют прямоугольную главную комнату с входом на одной из главных сторон и размерами от $4,30 \times 5,10$ м до $4,30 \times 3,30$ м, часто они снабжены скамьями вдоль стен. Эти дома стали типичными жилищами II раннебронзового века, когда городская культура Палестины находилась в расцвете и в стране преобладали сильно укрепленные города. В местности Телейлат Гассуль, к северо-востоку от Мертвого моря, раскопано поселение, представленное по меньшей мере 15 фазами развития и существовавшее около 600 лет, судя по данным радиоуглеродного анализа, в 4300—3700 гг.

Ранние храмы по своему плану мало отличались от жилых домов, но с III раннебронзового периода начинается самостоятельное развитие храмовой архитектуры. В книге подробно рассмотрены различные типы храмовых зданий и дано описание многочисленных храмов. На территории Палестины существовали следующие типы святилищ: храмы с широким помещением, продолговатые и квадратные храмы (согласно принятой в археологической литературе терминологии — Breitraum, Langhaus, Quadratbau). Первый тип был традиционным в Сирии и Палестине в течение всего бронзового века. Тем не менее архитектура менялась, и нет храмов, совершенно похожих друг на друга даже в пределах одного и того же периода.

Храмы строились на священном участке и были отделены от других зданий мощными стенами. При этом храмы второго типа имели общий с резиденцией правителя двор и, таким образом, примыкали ко дворцу. Начиная по крайней мере с III раннебронзового века храмовые здания включают портик и целлу. Принцип ориентации храмовых зданий еще не вполне ясен. Возможно, направление выбирали в соответствии с планом улиц и ворот. Хотя храмы в Хазоре, одном из городов Северной Палестины, определено были посвящены богу Солнца, они обращены на юг. Алтарь для жертвоприношений стоял перед входом в храм. Культовые ритуалы выполнялись как во дворе, так и в целле, у задней стены которой помещались символ или статуя бога.

Остановимся подробно на некоторых более типичных храмах. Храм в Хазоре, датируемый временем около 1600 г. до н. э., тянется на 20,5 м с севера на юг и примерно на 18 м с запада на восток. Стены его имеют толщину 2,3 м, а их фундамент находится на глубине 1,5 м под уровнем пола. В обширном храмовом дворе длиной около 30 м найдены кости животных и зола. Очевидно, жертвоприношения происходили в самом дворе. Там же раскопан большой бассейн с вполне удовлетворительной дренажной системой. Находка глиняной модели печени свидетельствует о том, что жертвоприношения сопровождалась предсказаниями. В юго-восточной части двора обнаружены сломанные стойки, где воскуряли ладан. В том же Хазоре раскопан и другой храм, построенный около 1200 г. до н. э. В нем, в частности, обнаружен алтарь для воскурения ладана перед изображением бога. Бассейн и чаши указывают на культовые возлияния. На территории храма найдены 19 цилиндрических печатей, на которых запечатлены сцены жертвоприношений. Бронзовые фигурки, хранившиеся там же, изображают женщин, змею и быка.

Оба эти храма, как и святилища в сирийском городе Алалахе и поблизости от него в Магидде, имеют целлы, крыши которых держались на колоннах. Один из храмов в Алалахе датируется временем около 1400 г. до н. э. Он ориентирован с северо-запада на юго-восток и построен у мощной восточной стены толщиной в 4,75 м. Остальные стены имеют толщину 1,15 м. Размеры целлы — $7,5 \times 12$ м.

В местности Бет-шанан раскопаны храмы, функционировавшие с III позднебронзового века до конца I железного века. Все основные предметы, найденные в целле,

одного из этих храмов, египетского происхождения и изготовлены из алебастра и фаянса. На многих из них сохранились изображения животных и богинь. Там же обнаружено изображение богини Астарты с двумя рогами. План этого святилища имеет много общего с амарнской архитектурой Египта.

Близ поселения Нахариях раскопан храм II среднебронзового века. Там найдены тысячи фрагментов глиняных горшков, в которых варили мясо домашних животных, а также бронзовые и серебряные фигурки, изображающие большей частью женщин.

Относительно храмов квадратной формы из Палестины имеется очень мало данных. Тем не менее такие храмы имели долгую традицию, поскольку святилище этого типа в Эшнунне (к югу от Диялы) было сооружено около 2000 г. до н. э. Храмы квадратной формы в Тананире и Аммане, вероятно, принадлежали хапиру, вторгавшимся в страну с востока и отправлявшим культ под открытым небом. В храме в Тананире найдены месопотамские печати касситского времени и несколько сот фрагментов египетских каменных сосудов. В амманском храме сохранились тысячи фрагментов костей, 90% которых — человеческие и притом исключительно детские. Эта находка явно свидетельствует о человеческих жертвоприношениях. Невольно вспоминается сообщение Второзакония (XII, 31), отражающее практику человеческих жертвоприношений в древней Палестине: «Они и сыновей своих и дочерей своих сжигают на огне богам своим».

В конце бронзового века в Палестину стали вторгаться хапиру. В Амарнском архиве сохранились письма, отправленные ханаанскими царями в Египет с мольбой защитить их города от чужеземных захватчиков. На XIV в. до н. э. приходится распад культуры бронзового века, которая через 100 лет была разрушена филистимлянами и израильтянами. Наличие филистимлян в Палестине в этот период засвидетельствовано характерной для них гончарной посудой, которая заменила крашеную керамику бронзового века. Наступает культурный упадок, после чего постепенно складывается культура железного века.

Такое вкратце содержание рецензируемой книги, которая в удобной и легко доступной форме суммирует результаты многолетних археологических раскопок и их публикаций, а также содержит анализ всего материала, относящегося к проблеме сооружения храмов в древней Палестине.

* * *

P. BRIANT. *Etat et pasteurs au Moyen-Orient ancien*. Cambridge— Paris, 1982, 267 p.

В рецензируемой книге автор дает общую характеристику кочевого хозяйства затем обстоятельно рассматривает отношения между арабскими и сакскими пастухами и пастухами-земледельцами гор Загроса, с одной стороны, и Ахеменидской державой, а впоследствии и с государством Александра Македонского — с другой. Остановимся вкратце на основных выводах книги.

Клинописные, египетские, библейские и античные источники единодушно отмечают, что кочевники-пастухи представляли большую угрозу всем крупным державам. В греко-римской литературе настойчиво подчеркивается, что горцы и кочевники отличались большой воинственностью и постоянно занимались грабежами. Такая же характеристика горных племен содержится и в месопотамских текстах начиная с III тыс. до н. э. В частности, эти тексты рассказывают об опустошительных набегах загросских племен кутиев и лулубеев на Месопотамию. В клинописной литературе этноним «лулубей» стал термином для обозначения любого горца-варвара. Как древневосточные, так и античные источники считают кочевой быт несовершенной формой общественной жизни. Однако кочевое хозяйство в Северной Аравии, Сирийской степи и в Средней Азии развивалось в более или менее тесных контактах с зонами земледельческой культуры. Ни одна из рассматриваемых в книге этнических групп не вела исключительно кочевого образа жизни, и поэтому представления античных авторов, резко противопоставлявших кочевников земледельцам, являются не совсем правильными.

По мнению Бриана, в современной научной литературе отношения между кочевниками и земледельцами, а также между пастушескими обществами и правительственной администрацией также тракуются упрощенно. Кочевники кроме выращивания скота занимались земледелием и ремеслом, что существенно ограничивало их зависимость от сельскохозяйственных и ремесленных центров, находившихся за пределами территории, на которой они сами жили. В частности, арабы выращивали дромадеров не столько для военных целей, сколько для торговли на больших расстояниях. Саки совершали свои набеги на конях, а для караванной торговли пользовались бактрийскими верблюдами. Пастушеские племена Средней Азии, Загроса и Аравии не разрушали земледельческих центров, но долго и упорно сопротивлялись попыткам соседних государств взять их под контроль. Даже Александру Македонскому не удалось установить эффективного контроля над этими кочевыми племенами. Завоевания зон с пастушеским хозяйством не приводили ни к распаду традиционного быта, ни к оседлости кочевников.

Далее автор подробно рассматривает сведения источников об уксиях, мардах, кардухах, киргиях и других племенах, живших на территории между Загросскими горами, южным берегом Каспийского моря и Персидским заливом — в зоне, которую античные авторы характеризуют как «разбойничью». С широким привлечением трудов советских археологов и историков анализированы также данные источников о саках.

Остановимся несколько подробно на разделе «Арабы и Ближний Восток». Ввиду скудости источников ахеменидского и эллинистического времени об арабах автор подробно останавливается и на свидетельствах клинописных текстов более раннего времени.

Термины «арабы» и «Аравия» встречаются в различных формах в ассирийских анналах, вавилонских текстах, в Библии и произведениях античных авторов. Но какое реальное географическое, этническое, культурное и политическое значение имели эти термины? Указанные источники относятся к разным эпохам, и значение этнонима «арабы» с течением времени менялось. В ассирийских текстах название *Aribi* впервые появляется в 853 г. до н. э., когда арабский шейх Гиндибу прибыл во главе отряда всадников на верблюдах на помощь коалиции арамейских племен, которые вели военные действия в Северной Сирии против ассирийского войска. Древнейшие упоминания об арабах в Библии относятся к VIII или VII в. до н. э. Вслед за другими исследователями Бриан приходит к выводу, что в ассирийских анналах и Библии термин «арабы» обозначает жителей пограничных с Месопотамией и Сирией стран. Для столь раннего времени невозможно с уверенностью отличить арабов от арамеев, и племена, упомянутые в ассирийских текстах под этнонимом «арабы», могли в действительности быть арамеями. Это доказывается их именами собственными в период от Синаххериба до Ашшурбанапала, совпадающими с синхронными арамейскими именами. В ассирийских текстах *Aribi* — племена, которые обитали вдоль укреплений, сооруженных ассирийцами на территории к востоку от реки Иордан. Кроме того, в период борьбы Синаххериба с халдейским вождем Меродах-Баладаном арабы (*urbi*) упоминаются у южной границы Месопотамии. К этому можно добавить также, что в вавилонских текстах ахеменидского времени нередко упоминаются арабы, которые по различным причинам жили в Месопотамии, но их собственные имена, когда они приводятся, являются арамейскими. Таким же образом в Библии термин *Arabe* применяется для обозначения кочевников, обитавших в Сирии и на Синае. Примечательно, что жители юга Аравийского полуострова в древности не называли себя арабами. В южноаравийских текстах термин *'Arah* появился лишь в середине II в. н. э. и именно для обозначения бедуинов, которые враждебно относились к государствам Аравийского полуострова. Еще во времена Мухаммеда, основателя ислама, термином «арабы» обозначались только бедуины.

Для ахеменидского периода наша информация об арабах в основном восходит к труду Геродота, который, однако, почти ничего не сообщает о внутренней Аравии. Кроме того, в Бехистунской надписи Аравия включена в число стран, подвластных персидскому царю Дарию I. В одной минейской надписи из Южной Аравии говорится о каких-то беспорядках в Египте, возникших из-за *Mdu*, т. е. «мидийцев». Последним термином, как известно, и у греков и у народов Ближнего Востока часто обозначались персы. Надпись трудно уверенно датировать, но если она относится к ахеменидскому

времени, в ней, по мнению Бриана, содержится единственное пока известное свидетельство о каком-то влиянии персидского государства на Южную Аравию.

Возникает вопрос: существовала ли единая провинция Аравия, управлявшаяся персидским сатрапом? Бриан отвечает на этот вопрос отрицательно, полагая, что название «Аравия» употреблено в древнеперсидских надписях для обозначения степной области на границах Месопотамии и Сирии. Как известно, у Ксенофонта в «Анабасисе» название «Аравия» относится к стране между Сирией и Месопотамией. Отметим также, что Геродот (VII, 69) в перечне контингентов персидской армии упоминает арабов рядом с племенами, жившими близ границ Египта. Как нам представляется, персы называли арабами кочевые племена к югу и востоку от Палестины. Кроме того, и из труда Геродота видно, что арабы не представляли единого государства или отдельной сатрапии Персидской державы и поэтому не платили податей.

К книге приложены карты расселения кочевых племен Ближнего Востока и Средней Азии, а также обширная библиография. Историки, этнографы и археологи с большим интересом прочтут труд Бриана, содержащий скрупулезное исследование разнообразных письменных источников о пастушеских племенах и их контактах с зонами земледельческой культуры.

М. А. Дандамаев
